

Хороший плохой босс

Автор:

[Николь Келлер](#)

Хороший плохой босс

Николь Келлер

Несколько лет назад я оставила в России свою любовь и разбитое сердце и улетела за океан, надеясь сбежать от самой себя. Но жизнь ложилась так, что мне пришлось вернуться спустя годы. Я не ожидала, что моим боссом окажется ОН – человек, сломавший меня и растоптавший мои чувства и веру. Мой босс намерен снова ворваться в мою жизнь, но я не могу этого позволить: есть секрет, который он знать не должен...

Николь Келлер

Хороший плохой босс

Пролог

Вхожу в кабинет и тихо прикрываю за собой дверь. Сердце бешено стучит в груди, а ладони потеют. Я одновременно хочу этой встречи и в то же время мечтаю снова сбежать за океан.

Четыре года. Тысяча четыреста шестьдесят дней. Мы не виделись ровно столько. А я узнаю его даже со спины. Эта широкая линия плеч, уверенная и гордая осанка, темный костюм, что подчеркивает его спортивную фигуру. Строгая короткая стрижка. Все настолько родное, что хочется прижаться к нему всем

телом, обнять двумя руками крепко-крепко и прошептать: «Здравствуй, я скучала...»

Меня бросает то в жар, то в холод от одного только присутствия этого мужчины. Неужели, несмотря на то, что он сделал, по прошествии стольких лет у меня остались к нему чувства? Кому я вру. Конечно, остались. Иначе б я так остро не реагировала на его присутствие.

На меня нахлынули воспоминания о нашей страстной и сумасшедшей любви. Только вот любила я одна. А он лишь игрался со мной. Иначе как объяснить то, что в момент нашей, казалось бы, не столь значительной ссоры, вместо того, чтобы дать мне возможность все объяснить, пошел залечивать свои душевные раны в постели другой девушки?

После такого подлого удара в спину я не могла находиться в одном городе и дышать одним воздухом с этим мужчиной. Я задыхалась настолько, что сбежала на другой континент лишь с документами и ручной кладью. Надеюсь забыть о нем навсегда. Стереть все воспоминания, сохранив лишь те, в которых мы были счастливы.

Но стоило в моей жизни забрезжить стабильности, как судьба снова решила проверить меня на прочность: я поняла, что беременна, а пять тестов подтвердили мои догадки. От осознания того, что во мне живет ребенок от любимого мужчины, на глазах выступили слезы счастья. «Спасибо», – прошептала тогда в небо я слова благодарности за столь щедрый подарок.

Как сейчас помню, что в порыве сумасшедшей радости, не понимая, что творю, я схватила телефон и набрала номер, который помнила наизусть. Услышала хриплое «Алло!» и замерла. Перед глазами снова сцена, когда ко моя бывшая студентка сообщила «радостную новость» о своей беременности от Марка, и что я должна оставить его в покое ради счастья еще не родившегося ребенка.

Мужчина резко разворачивается, и я тону в темных омуты. Сначала не понимаю, что происходит. Раньше, четыре года назад, я также реагировала на его взгляды. Но тогда я не боялась захлебнуться. Потому что видела в них любовь. И мне нравилось это ощущение беспомощности. Потому что я знала, что ОН ни за что не даст мне упасть в бездну.

Признаться честно, за прошедшие годы я ни разу и не искала информации о нем. Ни единой новости, ни строчки. Запретила открывать новостную ленту и соцсети. Множество раз порывалась, но снова упрямо блокировала телефон, пряча под подушку. А потом крепко зажмуривалась, воскресая в памяти его теплый взгляд, солнечную улыбку и то, как он растягивал гласные в моем имени.

Лишь один раз я позволила себе такую слабость, за что впоследствии жестоко поплатилась. Шрам на моем теле всю жизнь будет напоминать мне о совершенной ошибке.

Но я не могла запретить приходить воспоминаниям перед сном. Каждую ночь в течение этих долгих четырех лет я засыпала в слезах от невозможности вернуться на миг в прошлое и снова почувствовать себя счастливой. Но утром я смотрела на беззаботную улыбку нашего сына, прижимала его к груди, и все проблемы меркли, отходя на задний план. Мой малыш – мое счастье и опора, крошечный человечек, ради которого я жила и просыпалась по утрам.

Сейчас некогда любимые глаза смотрели с холодным презрением, высокомерием и отчужденностью. словно я – совершенно посторонний человек для него. Хотя, так оно и есть. Ведь прошлое должно оставаться в прошлом. У него своя семья: жена и маленькая дочь.

Но я снова в отчаянии с головой ныряю в эти темные озера и тону, начиная задыхаться. Кричу, молю о помощи, но все внутри себя. Внешне же я стараюсь оставаться спокойной. С силой сжимаю кулаки, вонзая ногти в ладони, но и это не приводит меня в чувство.

Задыхаюсь. Пристально смотрю в лицо любимого мужчины, пытаюсь отыскать в глазах хотя бы отблеск былых чувств и эмоций. Даже делаю шаг навстречу, вдруг с расстояния в несколько жалких метров я не заметила. Но нет. Он безжалостно топит меня в своих темных озерах, окуная с головой в свое равнодушие.

Воскресенский беспристрастно смотрит на то, как я погибаю, и не протянет руки. Не спасет. Не в этой жизни.

– Марк, – шепчу я едва слышно, пристально осматривая каждую черточку на лице, что снилось мне каждую ночь.

Воскресенский слегка вздергивает подбородок, засовывая руки в карманы брюк, и оглядывает меня сверху вниз.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна, – с кривой ухмылкой бросает он небрежно, что я отшатываюсь назад. – Кажется, вы всегда настаивали, чтобы я обращался к вам именно так.

Эти слова прозвучали, как пощечина. Резко и без анестезии тупым ножом вскрыли старые раны. Отшатываюсь назад, желая как можно скорее покинуть кабинет, но меня останавливает холодное:

– Стоять.

Глава 1

Шасси самолета касаются родной земли, и мое волнение нарастает. Всю неделю перед вылетом я сидела на успокоительных: четыре долгих года не была в стране и родном городе, и необъяснимое волнение не покидало меня весь перелет.

Но переживала не я одна. Маленький человечек, что сейчас крепко держал меня за руку, тоже волновался. Накануне он так и не смог уснуть, проворочавшись в постели и бесконечно задавая вопросы о том, что его ждет в России.

Мы с сыном выходим из самолета, сильный ветер треплет мои длинные волосы, швыряя их мне в лицо, но я не обращаю на это внимания. Вдыхаю полной грудью воздух, и лишь тогда приходит понимание: я дома. Боже, я оказывается так скучала! По шумным улицам, по любимому кафе, в конце концов, по родителям и подругам, которых не видела четыре года.

– Девушка, вы чего встали-то?! Дайте пройти, – раздается сзади недовольный и раздраженный голос. Ну, точно дома.

– Мама, а дедушка очень строгий? – в очередной раз спрашивает Никита, когда мы выходим из терминала прилета.

– А вот сейчас сам узнаешь! Вон они нас встречают, – указываю пальцем на родителей.

Мама увидела нас первой и тут же прижала руки к щекам, смахивая бегущие слезы. Я понимаю ее чувства, потому что сама не могу сдержать нахлынувших эмоций, ведь еще никогда в жизни мы не расставались так надолго. Теперь, когда я и сама мать, понимаю маму как никогда остро.

Папа тоже взволнован встречей, но его характер и военное прошлое не позволяют показать на людях все эмоции. Только по потеплевшим глазам вижу, что он тоже очень рад.

– Катюша, доченька, как же я тебя рада видеть! Не могу поверить, что снова обнимаю тебя! – мама покрывает мое лицо поцелуями, попутно стирая крупные слезы, что без остановки бегут нескончаемым потоком.

– Здравствуй, мам. Прости, что меня не было так долго, – шепчу я, изо всех прижимаясь к маме и вдыхая ее такой родной домашний запах.

– Здравствуй, парень! – весело произносит отец, протягивая Никитке руку.

Затаив дыхание, внимательно слежу за их знакомством. Именно за то, как примет его дед, сын переживал больше всего. Я сказала Никите, что дедушка – военный в отставке, и сын загорелся желанием познакомиться с ним. С самого детства он влюблен в военную форму и военных, так что, еще уже заочно Кит – фанат моего отца.

– Здравствуйте, меня зовут Никита, – отвечает сын, смотря на деда влюбленными глазами и пожимая руку, как я учила.

– А меня называй просто дедушка!

– Хорошо. Очень приятно познакомиться, – серьезно и немного скованно отвечает Никита. Вообще он у меня очень общительный мальчик, но тут именно

перед дедом засмущался. Надеюсь, привыкнет, я бы очень хотела, чтобы эти двое нашли общий язык.

– Дайте и мне обнять внука! Никитушка, иди к бабушке, – мама притянула сына в свои объятия, снова заливаясь слезами.

– Здравствуй, дочь, – теперь отец заключает меня в свои крепкие объятия, и только теперь я понимаю, насколько и он скучал по мне. И только здесь, стоя посреди аэропорта, понимаю, насколько мне не хватало его любящего взгляда и мудрых советов. Именно сейчас понимаю, что мой отъезд – эгоистичный и очень необдуманный поступок, и он в первую очередь ударил по самым близким мне людям.

– Прости меня, пап, – сдавленно шепчу, утыкаясь лбом в шею.

– За что, Катюш?

– За то, что бросила вас, за то, что не подумала, как вам с мамой тяжело...

– Тебе нужно было разобраться в себе. Да и ты нам такого внука привезла, что стоило и потерпеть! Воспитание на уровне, горжусь тобой, дочь.

– Спасибо, пап, – отвечаю и перевожу взгляд на Никиту, который, похоже, нашел общий язык с моей мамой быстрее, чем я думала. Тут надо отдать должное мамочке – она и со стулом договорится, не то, что с маленьким мальчиком.

– Так, дамы, – наигранно строго произносит отец, снова становясь строгим генералом. – Отставить потоп, иначе работники аэропорта сейчас нас оштрафуют. Прошу всех пройти на выход и занять места согласно купленным билетам.

– Ого, дедушка, а у тебя что, есть самый настоящий автобус?! – Никитка в восторге округляет глаза.

– Нет, малыш, пока нет, но если надо, то купим! – папа подхватывает внука на руки и гордо идет с ним на выход.

– Отставить баловать внука! Испортите мне моего мальчика! – также наигранно возмущаюсь, двигаясь за папой, приобняв маму за плечи.

– Нет уж, доченька, три с лишним года скрывала от нас мальчика, теперь нам надо наверстывать упущенное! Никитушка а ты какое мороженое любишь: сливочное или шоколадное?

– Любое, главное побольше, – с улыбкой отвечает малыш, чем вызывает наш дружный смех.

– Наш человек! – гордо восклицает папа, целуя Никиту в макушку.

Глава 2

– Господи, доченька, мне и не верится, что ты вернулась и снова сидишь у нас на кухне, как раньше. Не верится, что я наконец-то стала бабушкой, – говорит мама за ночной чашкой чая.

Никита очень быстро освоился на новом месте, и даже спокойно уснул, несмотря на существенную разницу в часовых поясах. Так что я зря переживала. Хотя, у него не было никаких шансов: дедушка с бабушкой, кажется, скупили весь магазин детских игрушек, и теперь дома можно смело открывать филиал «Детского мира». А еще мама постаралась угодить Никите и приготовила все мыслимые и немыслимые блюда. Конечно же, после такого приема, а также активных игр с дедушкой и бабушкой сын чувствовал себя как дома уже спустя полчаса. А уж от деда он в полном восторге!

– Я тоже по вам очень скучала, мам. Я бы, конечно, предпочла бы не приезжать, а чтобы вы приехали ко мне...

И это правда. Если бы не работа, не знаю, сколько еще лет я бы предпочла не появляться в стране. Меня все еще колотит от мысли, что мы с НИМ в одном городе, дышим тем же воздухом, ходим по тем же улицам...

– Да что ты такое говоришь, Катюша...Ты же знаешь, что...

– Знаю, мам, и понимаю. Извини, это личное.

Родители бы прилетели с радостью и на рождение Никиты, и вообще погостить, но мама панически боится самолетов, а отец один лететь отказывался, поэтому они терпеливо ждали возвращения блудной дочери в отчий дом.

– Никитушка на тебя совсем не похож, весь в отца, да? – осторожно спрашивает мама, намеренно не называя имени, от которого у меня до сих пор мурашки по коже. Она – далеко не глупая женщина, давно уже все просчитала и поняла, но тактично молчит, чтобы не задеть мои чувства.

Темы отсутствия отца у моего ребенка родители деликатно избегали, и я была им за это безумно благодарна. По глазам мамы видела, что у нее миллион вопросов ко мне по этому поводу, но она молчала, очевидно, понимая, какую боль приносит мне этот вопрос.

– Да, Кит – копия своего отца, – тихо отвечаю я, отворачиваясь к окну и смахивая набежавшую слезу. И это правда. Если этих двоих поставить рядом, одного мимолетного взгляда будет достаточно, чтобы понять, что они – отец и сын. И никакая экспертиза не нужна. Особенно глаза. Они у Никиты такие же темные и выразительные, как у Воскресенского. Глядя на них, я с тоской и щемящей болью в груди вспоминала того, кто подарил их моему сыну.

Четыре года назад

Я ступила на американскую землю с одной лишь ручной кладью совершенно опустошенная и разбитая. Пустая. Не знающая, куда мне идти и что делать дальше.

Джек, как и обещал, встретил меня в здании аэропорта, выхватил вещи из рук и что-то без умолку болтал, отчаянно пытаясь привлечь мое внимание. Я лишь из вежливости пробормотала, что перелет был долгим, сложным и тяжелым и попросила отвезти меня в дом, который Джек обещал снять к моему приезду.

Мой знакомый тихо бормочет, что с домом вышла накладка, и мне какое-то время придется пожить у него, пока он не найдет новый. Безразлично киваю, отворачиваясь к окну и прикрывая глаза. Я не хочу спать, потому что мен

неожиданно настигла бессонница, но я не хочу никого видеть и слышать.

Именно поэтому даже из вежливости не осматриваю дом Джека, а сразу прошу отвести меня в мою комнату. Там я падаю на огромных размеров кровать и тупо смотрю в потолок. Без какой – либо цели, просто потому что иного не хочется.

Так я пролежала день, два и даже третий. Просто бесцельно пялясь то на стену, то на потолок, то в широкое окно. Когда надоедало, задерживала окно шторой. Чтоб ничто не беспокоило. Ведь было так уютно в моей норке.

Надо отдать должное Джеку, он не лез мне в душу в грязных сапогах. Единственное, на чем он всегда стоял и ругался – мое питание. Он не разрешал мне голодать и буквально насильно заставлял поесть хоть что-то.

На четвертый день он не выдержал, зашел в мою комнату и сел прямо на пол, опершись спиной о кровать.

– Я не знаю, что у тебя произошло в жизни, Кейт, и понимаю, что явно не от того, что у тебя сбежала любимая кошка, ты свалила на другой континент практически голая и босая. Я не буду пытаться изобразить из себя знатока человеческих душ, просто хочу сказать, что попросить помощи – не стыдно. Я не рвусь стать твоим рыцарем, но хочу, чтобы ты знала, что я всегда приду на помощь. В любой момент и время. Просто попроси. Потому что мысли я читать так и не научился.

И меня прорывает, как плотину. Я реву навзрыд, задыхаясь от потока горячих и злых слез. Почему я не встретила этого замечательного мужчину раньше?! Почему мое сердце выбрало самовлюбленного павлина, который при первой же ссоре побежал утешать свое самолюбие под чужую юбку?! Почему мое сердце такое глупое и не может полюбить этого замечательного во всех смыслах мужчину?!

Не знаю, в какой момент оказалась в успокаивающих объятиях мужчины. Нет, без какого-либо подтекста, он слишком благороден и воспитан для этого. Он просто прижал мою голову к своему плечу, позволяя использовать его вместо жилетки. И все это молча, без каких-либо пафосных фраз. Просто дружеская поддержка. От которой мне действительно стало легче на душе. Сердечную рану она, конечно же, не вылечила, но сработала в качестве хорошего

обезболивающего.

Но на следующий день вечером я все же заезжала в новый дом, который я настояла, чтобы Джек нашел для меня. Потому что если снять розовые очки (а в моем случае их давно пора выбросить на помойку), я понимала – у Джека ко мне не просто дружба. У Джека ко мне гораздо большее и глубокое. И я не свинья, чтобы использовать его чувства в своих корыстных целях.

Моя жизнь вроде бы начала более-менее устаканиваться, на сколько это возможно в чужой стране, как злая судьбинушка снова решила меня проверить на прочность.

Глава 3

Я потихоньку обустроивала быт в новом доме. Он был очень небольшим, но таким уютным, даже с небольшой клумбой прямо напротив. Не знала, надолго ли я тут, и решила вообще не загадывать, но не жить же мне на коробках?! Раз уж я решилась настолько круто изменить свою жизнь, что сбежала аж на другой материк, чтобы подумать и разобраться в себе, надо навести хотя бы внешний порядок. Раз уж в голову я боюсь залезать.

Через некоторое время пребывания в Штатах в моей жизни появилось некое подобие распорядка: подъем, зарядка / йога, которой я овладевала, повторяя за тренером в ютубе, душ, завтрак, прогулка, готовка, осмотр достопримечательностей, чтение книги, сон. Иногда в него вносились коррективы, но основной костяк был примерно таким. Потому что по-другому – никак. Потому что без него – рев белугой в подушку и противное самокопание.

Разумеется, я считала себя виноватой. И Марк должен был узнать о споре от меня, а не от моих пьяных подруг. И я, правда, все рассказала бы ему, но в более подходящий момент, когда наши отношения были бы более устойчивыми и стабильными. Но с другой стороны, лучше сейчас узнать, что Марк ищет утешения в объятиях других женщин, нежели эта неприглядная правда вылезла бы наружу в самый неподходящий момент.

В планах у меня было найти работу и выделить в четком графике под это как минимум восемь часов. Потому что в моей по минутам расписанной жизни иногда возникали пробелы, и мое сознание тут же заполняли воспоминания о Марке, вызывая нестерпимую боль в груди и депрессивное состояние.

Но, как это часто в жизни бывает, все пошло по одному всем известному месту.

В день, когда я собиралась пойти на свое первое собеседование (ничего необычного, просто увидела объявление, что требуются официанты) утром меня стошнило. И через пятнадцать минут опять. А потом снова, когда готовила завтрак, от запаха жареной яичницы.

Я была уверена, что манго, которое я вчера купила на рынке, определенно было несвежим. Вся эта ситуация напугала меня, и я не придумала ничего лучше, чем набрать Джека.

Мужчина примчался буквально через полчаса, весь взъерошенный и взволнованный. Я попросила его купить мне какое-нибудь лекарство от тошноты.

– Кейт, дорогая, у нас так не принято. А если с тобой что-то серьезное? Нельзя рисковать своим здоровьем. Собирайся, я отвезу тебя к своему доктору.

– Джек, это банальное отравление! Мне просто нужен уголь! – начала раздражаться, что даже позабыла о тошноте.

– Откуда тебе знать? Ты – не врач. Собирайся, я жду тебя в машине, – неожиданно проявил несвойственное упрямство мужчина и, развернувшись, вышел из дома.

Тяжело вздохнув, оделась, взяла сумочку и поехала с Джеком в частную клинику. Где уже через полчаса мне сказали, что мое заболевание не лечится углем. Оно вообще не лечится. И это вовсе не заболевание. Это маленький ребенок, что поселился у меня под сердцем.

В коридоре я не смогла дойти до входной двери и просто осела на диванчик, шокированная услышанным. Ребенок...у меня будет ребенок от мужчины,

которого я люблю. Все еще люблю. И которому нафиг не сдалась, если он мне изменил.

– Кейт, что? Что сказал врач? Тебе плохо? – тут же подбежал Джек, суетясь вокруг меня, но все это происходит где-то за гранью моей реальности. Той, в которой сейчас существую я и мой малыш. Которого я уже люблю всей душой, несмотря на то, что он сейчас размером с зернышко, как сказал мне врач.

Я совершенно точно знаю, что это ребенок Марка (ведь других мужчин у меня не было) и совершенно точно знаю, когда он был зачат. Если бы не измена Воскресенского, я с непоколебимой уверенностью могла бы заявить, что наш малыш был зачат в любви. Но это наглая ложь. Сказка для взрослой девочки, которая все никак не выберется из своего Зазеркалья, чтобы окунуться в настоящую реальность. Но мне уже плевать. Мой малыш – награда, дар небес за то, через что мне пришлось пройти. И я люблю его всей душой, и даю обещание, что прямо с этого момента буду учиться заменять ему или ей маму и папу в одном лице. Потому что настоящий никогда не узнает о существовании у него ребенка. Не хочу, чтобы со стороны это выглядело жалкой попыткой вернуть мужчину. Мы с моим крохой прекрасно справимся и без него.

– Все хорошо, Джек, – с рассеянной улыбкой и слезами счастья на глазах говорю другу, хватая его за рукав. Потому что этот во всех смыслах потрясающий мужчина, не добившись от меня ответа, встал с желанием отыскать врача, думая, что мне плохо.

– Точно? Ты уверена? У тебя такой вид...

– Я беременна, Джек. И это от неожиданности и счастья.

Мужчина также ошарашен этой новостью, как и я, и на миг эмоции, которые, я уверена, он все это время держал в узде, прорываются, и я вижу в его глазах смесь из сожаления, ревности и боли. Но он довольно быстро берет себя в руки и вот уже улыбается широкой и почти искренней улыбкой.

– Это замечательно, Кейт! Я тебя поздравляю! Ну, ты и напугала меня, малышка! Больше никогда так не делай! Я очень...счастлив за тебя!

И лишь по последней заминке, несмотря на кажущуюся со стороны искреннюю и доброжелательную улыбку, Джеку тяжело бороться с болью внутри себя. Так же, как и мне, когда вспоминаю о Марке.

Глава 4

Буквально к вечеру эйфория спала, и меня обуял самый настоящий ужас: я одна, в чужой стране, без жилья, соответствующих документов и даже без работы! Что я могу дать крохе? Понятное дело, я буду его безумно любить, но помимо этого, к сожалению, требуются еще и материальные блага.

– Я справлюсь, я со всем справлюсь, малыш. Мама только сегодня даст себе слабинку, а завтра с утра уже снова будет в строю. И клянусь, я горы сверну, чтобы ты был счастлив!

Седьмым чувством, где-то на уровне интуиции я чувствовала, что это мальчик. Мне почему-то так хотелось, чтоб это был веселый малыш, с глазами Марка и его несносным и озорным характером.

Марк ...при воспоминании о мужчине, сумевшем перевернуть всю мою жизнь с ног на голову и открыть во мне те стороны, о существовании которых я никогда не знала, сердце до боли сжимается, а слезы наворачиваются на глаза сами собой.

Они с Аней наверно вовсю уже готовятся к появлению малыша. Ходят вместе на приемы, выбирают коляску и кроватку, выбирают имя...а мой малыш будет обделен такой нужной и сильной отцовской любовью. Почему-то я уверена и ни капли не сомневаюсь, что Марк будет лучшим отцом, какого можно только пожелать ребенку. Но мне этого уже никогда не узнать. Потому что, что бы не случилось, я приняла решение остаться здесь, в Штатах, и разделить свою жизнь на «до» и «после» не только мысленной жирной чертой, но и океаном.

В эту минуту отчаяния и меланхолии раздается звонок в дверь. Торопливо вытираю рукавом водолазки непрошенные слезы и открываю. За ней – всегда улыбающийся Джек. Он – моя личная таблетка от меланхолии и депрессии. Моя

личная крестная – фея, которая тут как тут, следует моим слезам выступить на глазах.

Я понимаю, что пользоваться его добротой – свинство чистой воды. Чувствую, хоть Джек и умело скрывает, что с его стороны это не просто дружба. Но я не могу ничего с собой поделаться. Ведь, как говорится, сердцу не прикажешь. Оно, глупое, не хочет любить хорошего и правильного парня, ему подавай убудка, который клал на него с прибором.

– Я тут принес фруктов, будущим мамочкам нужно много витаминов, – произносит Джек, смело проходя на кухню и водружая на стол огромный пакет всяких вкусоностей.

– Джек...– я все же решилась на разговор. Потому что так больше продолжаться не может, ведь, в конце концов, и он не железный. – Не надо...всего этого.

– Чего именно? – он пронзает меня чистым взглядом своих светлых глаз, в которых сквозит искреннее непонимание. Я смотрю в них с ожиданием. Секунду. Две. Три. Пять. И ничего. Нигде не щелкнуло, не торкнуло, и даже не забрезжил лучик надежды. Потому что мой мозг реагирует только на темные омуты, в которых навечно поселились соблазнение и порок в чистом виде.

– Не надо так заботиться обо мне. Это...неправильно.

– Кейт, – твердо, но в то же время мягко произносит мужчина. – Ты позвонила мне вся потерянная и разбитая и попросила о помощи. Я ни разу не спрашивал тебя, что произошло, но догадываюсь, что это связано с твоим мужчиной. Я не лезу к тебе в душу, потому что считаю, что ты сама обо всем расскажешь, когда захочешь. Если захочешь. Но моя совесть не позволит бросить тебя в беде. Я забочусь о тебе не по велению совести или каких-либо других соображений, а потому что хочу. И я достаточно взрослый мальчик, чтобы суметь справиться со своими чувствами и эмоциями. И не надо бояться – я ничего не жду от тебя взамен: ни чувств, ни благодарности. Несмотря на то, что я бизнесмен, в моем окружении все же принято заботиться о друзьях просто так. Понимаешь, малышка? Я согласен и хочу быть просто другом.

Джек не сказал ничего особенного или сверхнеобычного, но от его слов на душе стало...светлее и легче, потому что теперь я знаю, что мы с моим малышом точно

не одни, и что бы ни случилось, нам протянут руку помощи.

Глава 5

– Угостишь кофе? Я сегодня еще не обедал, – сам же переводит тему Джек. Я тут же хватаюсь за эту возможность, как за соломинку, и начинаю суетиться, накрывая на стол.

– Эй, не так шустро, будь аккуратнее, ты теперь отвечаешь не только за себя.

Хватаюсь за столешницу, пытаюсь унять внутреннюю дрожь. И этот нереальный мужчина в очередной раз понимает меня без слов: молча усаживает за стол и сам варит себе кофе, а мне – горячий шоколад. И вот уже через несколько минут мы сидим за столом в уютной тишине, каждый погруженный в свои мысли.

– Мне страшно, – вырывается у меня помимо воли.

– Кейт, все женщины проходят через это, не ты первая, не ты последняя...

– Джек, – не очень красиво перебиваю мужчину. – Посмотри на меня? Ну, какая из меня мать? Что я могу дать ребенку? У меня ни работы, ни дома – ничего нет. Я совершенно не знаю, как вести себя с маленькими детьми, у меня нет опыта...я боюсь, что не справлюсь, – последнее я добавляю уже шепотом, на грани отчаяния.

– Кейт, послушай. Все эти твои переживания говорят о том, что ты – хорошая мать. Я тоже не имею опыта с детьми и беременными женщинами, но я так чувствую. В любом случае не забывай две вещи: здесь, в Америке, у тебя есть я, и я поддержу тебя во всем. Абсолютно. А за океаном у тебя есть замечательные родители, которые тоже не дадут тебе упасть. Вы с малышом не одиноки, Кейт.

Я отчаянно трясую головой, как будто этим жестом пытаюсь вышибить все связанные мысли из мозгов.

– Нет. Нет, я не поеду домой. Там...там...туда нельзя, – лишь могу пробормотать, отводя в сторону взгляд, полный горьких слез.

Джек по-дружески кладет руку поверх моей и слегка сжимает.

– Я понимаю тебя, Кейти. Не стоит возвращаться туда, где еще не все отболело.

Некоторое время мы сидим молча, размышляя каждый о своем. Я даже на некоторое время забываю, что Джек здесь, рядом. Но ровно до тех пор, пока он строго не произносит:

– Я только одного не понял, почему это у тебя нет работы?

Тут же теряюсь под его испытующим тяжелым взглядом светлых глаз. И мямлю, стараясь подобрать верные слова.

– Ну...потому что...я беременна и все такое. Это...нечестно по отношению к тебе...и к другим. Потому что меньше, чем через полгода тебе придется искать себе другого юриста...

– Остановись. Дорогая, я не из тех мужчин, что забирают предложение обратно. И раз я сказал, однажды, еще тогда, на вечере, помнишь? – растерянно киваю. – Что вакантное место за тобой, то так оно и будет. Даже если ты беременна. Даже если бы ты прилетела глубоко беременной, и через месяц пришлось бы уходить в декрет – ты все равно бы стала частью моей команды. Я, собственно, поэтому и пришел – сказать, что в понедельник жду тебя в офисе с документами. Оформишься, ознакомишься с внутренним распорядком и сотрудниками и можешь во вторник приступить к работе.

Чует мое сердце, что к концу беременности из слез, что я выплачу, если их собрать воедино, то можно будет завести свое персональное море.

Глупое, глупое сердце! Слышишь?! Ты все портишь! Почему?! Почему, мать твою, ты так жестоко? Неужели этот настоящий Мужчина не заслужил свой маленький кусочек счастья?! Какого дьявола ты, Судьба, столкнула его со мной, слепой и глухой?! Зацикленной на одном мужчине, которому и за три гроша не сдалась. На том, кто вытер о мою любовь свои грязные ботинки и растоптал мои чувства,

как жучка, не стоящего внимания. Он предал меня, но я продолжаю его любить. Наверно, потому, что этот мужчина сделал мне самый драгоценный подарок в моей жизни...

– Спасибо, Джек, я даже не знаю...

– Кейт...Я не хочу слышать ни слова о благодарности. Достаточно будет, если ты придешь во вторник на работу. Потому что мне действительно нужен хороший юрист.

– Но ты ведь даже не знаешь, какой я специалист!

– У меня хорошее чутье на кадры. Во вторник сама сможешь в этом убедиться. А пока в выходные настраивайся морально, береги себя и кушай витамины, – показывает взглядом на фрукты.

– Зачем настраиваться морально? – непонимающе хмурюсь.

– Потому что мои подчиненные утверждают, что я зверь.

Я не знаю, как этому мужчине удастся лишь парой фраз поднять мне настроение, но вот я снова уже улыбаюсь.

– Врешь! – выпаливаю, как в детстве.

– А вот и нет. Меня называют не иначе, как «Суровый босс», – и делает грозное лицо, воспроизведя свое прозвище тоненьким голоском, кому-то подражая.

Я уже смеюсь в голос, едва не сгибаясь пополам. Несмотря на то, что у меня довольно бурное воображение, я так и не могу представить, что мужчина, который сделал для меня столько, может быть суровым и жестким.

– На самом деле я очень требователен к подчиненным.

– Это и понятно – иначе не достичь таких высот в бизнесе, – киваю для убедительности своих слов.

– Именно. Ты сама сможешь увидеть меня «в деле». А потом скажешь мне вечером за ужином, справедливо ли я зовусь суровым боссом!

Джек уходит, а я понимаю, что благодаря ему я снова стала чувствовать почву под ногами, и рождение ребенка не казалось таким пугающим.

Глава 6

Я была бесконечно благодарна Джеку. За то, что он всегда рядом и готов подставить плечо или предложить помощь. За возможность уйти от гребаной реальности.

В первый же день я попросила себе достаточно большой объем работы и погрузилась в нее с головой. Но ровно до того момента, как в дверях возник удивленный Джек.

– Кейт? Ты что здесь делаешь?

Перевожу на него недоуменный взгляд. Он что, в таком возрасте страдает амнезией?!

– Джек, – осторожно и вкрадчиво произношу. – Я тут работаю ты сам меня вчера принял на эту должность...

Друг закатывает глаза и делает лицо, как на известном демотиваторе со знаменитым Робертом Дауни-младшим, и я снова улыбаюсь.

– Кейт, я еще слишком молод, чтобы впасть в деменцию. Я спрашиваю, что ты здесь делаешь в обеденный перерыв?

Я растерянно оглядываю кабинет. И понимаю, что было не так: тишина, что опутала меня словно кокон. Я настолько ушла в изучаемый проект контракта с головой, что даже не заметила, как все мои коллеги покинули кабинет, а в коридорах никто не бегал. Офис словно вымер.

– Эээээ...ответ все тот же – работаю, – на что Джек снова закатывает глаза, приложив ладонь ко лбу.

– Как маленькая, ей-богу! Вставай, мы идем обедать. Не будешь делать это добровольно и вовремя – приставлю няньку и не посмотрю, что ты взрослая_почти_тридцатилетняя_женщина!

Только не это! На меня коллеги с самой первой минуты смотрят косо. Потому что утром, ровно в девять – ноль-ноль, меня, словно принцессу, ввели под ручки в кабинет начальница отдела кадров и сам Джек. И, разумеется, после их представления никто не кинулся ко мне с распростертыми объятиями с желанием познакомиться и подружиться.

Но мне и не надо. Я пришла сюда не за общением, а за тем, чтобы уйти от реальности, что ждет меня в четырех стенах. Чтобы не пытаться залезть в соцсети и не забить память смартфона его скачанными фотографиями, где он улыбается, смотрит проникновенно в душу или просто заснят в какой-то неожиданный момент.

Чтобы не пытаться позвонить ему, когда так хочется услышать хриплый голос и свое имя из его уст...Когда отчаянно хочется признаться, как сильно я скучаю, а еще поделиться главной новостью.

Я почти всегда набираю его номер, но тут же сбрасываю. Нужно быть сильнее! Ведь я сбежала буквально на край света не для того, чтобы потом названивать и плакаться в трубку. Именно поэтому я включилась в работу и собираюсь пахать, как проклятая.

И теперь я знаю, что работа – лучшее лекарство от депрессии и ненужных мыслей. Я все утро правила проект контракта, что хотели Джеку подсунуть его будущие партнеры, настолько вникла в изучение каждого пункта, что ни разу не вспомнила о Марке! И это поистине прекрасно! Если дело так и дальше пойдет, то я забуду его за более короткий срок, чем думала.

– Обещаю обедать, как по расписанию и гулять, отчитываться буду по фитнес-браслету! Только не надо няньку, ну, пожалуйста! – и умоляюще складываю руки.

– Посмотрим на твое поведение. Но скажу, что мне нравится твое настроение. Так держать, Кейти!

Я задумчиво ковыряла салат, складывая листья то на одной стороне тарелки, то на другой. Я действительно благодарна Джеку. Искренне и глубоко. И я нежно люблю его. Но только, как друга или старшего брата. И никогда не рассматривала и не рассмотрю Джека в качестве мужчины. Потому что это неправильно по отношению к нему: я не знаю, сколько времени мне понадобится, чтобы забыть Марка. И смогу ли я его забыть. Одно я могу сказать точно: мне до сих пор очень больно при воспоминании этого мужчины. Больно и тоскливо.

Именно поэтому я сразу обозначила границы для Джека. Чтобы он не надеялся и не ждал того, что мои сердце и душа чудом излечатся, вытравив образ Воскресенского, который, кажется высечен на подкорке моего сознания.

Мы пообедали в ресторане напротив офиса, болтая ни о чем, и я вернулась в кабинет, сопровождаемая директором компании. Взгляды, которые бросали украдкой коллеги, говорили о том, что такое происходило нечасто. Если вообще происходили.

Я знала, что с этого момента начнутся разговоры и перешептывания за спиной. Но мне было на них плевать. Главное – душевное равновесие и маленькая жизнь, что активно развивается во мне.

Но, к сожалению, «таблетка» в виде работы работает только в офисе. Стоило мне переступить порог моего маленького домика, как воспоминания стали роиться, как потревоженный улей, и хотелось выть от боли и безысходности.

Но сейчас все изменилось. Спустя буквально пару минут я напоминаю сама себе, что все не так уж и плохо. У меня есть частичка мужчины, которым я одержима. И мне нужно перестать быть слабой эгоисткой и в конце концов подумать о благополучии малыша. Я тут же в воображении рисую то, как буду выбирать коляску, кроватку, крохотные комбинезончики и носочки, как буду петь ему колыбельные и рассказывать сказки. Как помогу сделать первый шаг...

– Мы справимся, Китенок. Ведь теперь мы есть друг у друга, – тихо произношу, поглаживая свой живот.

Кажется, я только что нашла лекарство от болезни под названием «Марк Воскресенский».

Глава 7

Семь месяцев промчались, как один. Джек по-прежнему опекал и оберегал меня, несмотря на огромную загруженность и не обращая внимания на пересуды. Кто-то шептался за спиной и тыкал в меня пальцем, презрительно бросая вслед: «Ну, конечно, она же любовница самого генерального...», кто-то намеками, а нашлись те, кто спросил напрямую, когда нас с Джеком можно будет поздравлять с пополнением. Я игнорировала все эти уколы и делала вид, что их не слышу. Я готовилась к самому главному событию в жизни женщины – рождению малыша. И меня совершенно не волновало, о чем серые мыши шушукаются за моей спиной.

Джек настоятельно требовал, чтобы я оформила отпуск и ушла в декрет раньше. Но каждый раз я отвечала категоричным отказом.

– Пойми, Джек, я не могу. Тогда я не смогу справиться с демонами, что живут в моей голове и ждут удобного момента, чтобы вылезти из темного шкафа на свет.

И это действительно так. Если на работе я просто выполняла все, что от меня требовалось, иногда даже сверхмеры, то ночи превратились в сущий кошмар. Марк стал являться ко мне во сне и укоряюще смотрел. Я каждый раз просыпалась вся в слезах. А потом он мне озвучил причину своей обиды.

– Почему ты молчишь? Ведь я имею право знать...

– Что случилось, Кейти? – как-то спросил за обедом Джек. – Ты который день сама не своя. Может, надо позвонить твоему лечащему врачу?

Я в очередной раз закатываю глаза, когда Джек заводит речь о моем состоянии. Да, его опека приятна и похвальна, но иногда мне кажется, что удавка контроля меня задушит, и мне становится тяжело дышать.

– Все в порядке. Я беременна, а не больна. Просто плохо спала. Да и...

– И что? Что тебя беспокоит? Может, я смогу помочь?

Нет, мой хороший. Вряд ли ты сможешь залезть мне в голову и заглушить муки совести.

– Я думаю об отце моего ребенка...

У меня не хватает сил, чтобы продолжить, но друг понимает меня без слов.

– Решать, конечно, тебе, но, если бы я оказался в такой ситуации, я хотел бы знать. Ничего не случится, если ты просто скажешь, что твой мужчина скоро станет отцом. Ты не навязываешь, не заставляешь жениться, а просто ставишь в известность. Если боишься ему звонить, то просто напиши сообщение.

«Мой мужчина»...Боже, мне кажется, что это было так давно, не со мной и в параллельной Вселенной... Сейчас это не мой мужчина точно, как бы не болела душа.

– А это мысль...Спасибо, Джек, за совет, ты мне очень помог.

Весь день я обдумывала, что ему написать. Крутила в голове варианты, подбирала слова. Вернувшись домой, устроившись поудобнее на диване, я все же сломалась. Я не нахожу объяснения своему поступку. Могу лишь себя оправдать тем, что это бзик беременной.

Открываю страницу Марка в инстаграм, смотрю на первое и единственное фото в профиле, и забываю, как дышать.

На фото Марк и Аня на каком-то приеме. Он – в темно-синем костюме, сшитом явно на заказ, она – в платье до колен, что не скрывает ее круглого и большого живота. Оба улыбаются, счастливые, а в глаза бросается рука, что обнимает

девушку за талию. Рука, что вот также раньше обнимала меня, даря чувство спокойствия и защищенности, что ласкала, даря незабываемые ощущения. Теперь же эти руки дарят тоже самое другой женщине.

Но и это не самое страшное: на ее безымянном пальце правой руки красуется кольцо с бриллиантом, блеск которого слепит даже через экран телефона. Жена. Аня теперь законная жена Марка, ей он принадлежит целиком и полностью до тех пор, пока смерть их не разлучит. Она, а не я.

Слезы беззвучно катятся по щекам, а сердце рассыпалось на мелкие осколки, что впиваются в меня изнутри, причиняя адскую боль. Боль, от которой нет спасения, нет пятого угла в этом мире, где можно было бы спрятаться от нее. Только что я умерла внутри.

Неосознанно глажу живот, пытаюсь утихомирить разбушевавшегося сына. Вот так, Китенок, бывает, что один малыш папе нужнее другого. Он клялся в любви твоей маме, но не прошло и полугода, как женился на той, что раньше меня забеременела. И счастлив. Такие эмоции не сыграешь на публику.

Но апогеем всей этой истории стала подпись: «Мы безумно счастливы и ждем не дождемся рождения нашей малышки!»

Я понимаю, что сама виновата, что не сказала ему о беременности и сбежала, но, судя по фотографии, он даже и не вспоминает обо мне! Марк счастлив с Аней, и они ждут дочку. А его сын никогда не пойдет с родным отцом на рыбалку, не покатается на машине и не спросит совета. Потому что мой бывший мужчина счастлив с Аней...

Неожиданно низ живота пронзает острой болью, заставляя меня согнуться пополам. Я дышу, как учил меня врач, но боль нарастает, и я не могу сдержать крик.

Тянусь за телефоном, чтобы позвонить врачу, и чувствую что-то вязкое между ног. По моим домашним бриджам стремительно расползается кровавое пятно.

Я трясущимися руками набираю номер врача, но новый приступ боли заставляет выронить телефон и упасть на колени. И крошечная темнота забирает в свои объятия...

Глава 8

Сознание возвращается ко мне очень тяжело. Судя по запахам и писку приборов, я в больнице. Вспоминаю дикую боль в животе и огромное пятно крови...И тут же остро ощущаю пустоту. Моего ребенка нет.

Только потом накатывает сильная боль в животе, которая, распространяется по моему телу, как яд, вместе со страхом и паникой. Моего малыша забрали...Где он? Что с ним?!

В горле пересохло, не могу кричать. Но плевать. Сейчас самое главное – найти моего ребенка. Он не мог умереть, его не могли у меня отнять! Я помнила, как он пинался, до того, как я потеряла сознание!

Мое тело напоминает бесформенную массу, оно не слушается меня от слова «совсем», сил нет. Боль затмевает все связные мысли, но я огромным усилием воли отгоняю ее, напоминая, что теперь несу ответственность за сына и просто обязана найти его и убедиться, что он жив и здоров.

С пятой попытки я все же встаю с больничной койки. Руку пронзает острой болью, и только сейчас замечаю, что в нее воткнута капельница. Не задумываясь, выдергиваю иглу и зажимаю вену. Два шага к стене, преодолевая боль. Опираюсь на нее, тяжело дыша и едва не теряя сознание. Но это все мелочи! Я должна идти к сыну! Я должна найти Никиту! Ведь именно так я звала своего малыша, как только узнала, что беременна. Именно об этом мы с Марком мечтали в ту ночь, когда он сделал мне предложение, что назовем нашего сына Никитой, когда он родится.

Очень медленно, шаг за шагом я дошла почти до середины коридора. У меня на это ушло очень много времени, но, кажется, именно его у меня сейчас с лихвой. Я не знала, где лежит мой малыш, но чувствовала, что он где-то рядом. А значит, я просто должна идти и найти его...

– Девушка, вы что, совсем с ума сошли?! – раздается гневное и возмущенное за спиной. – Вам нельзя вставать, швы разойдутся! Доктор вас едва с того света

вытащил, а вы сразу же бегать вздумали!!

Я не вижу ту, что отчитывает меня, как девчонку, а обернуться сил нет, все потрачено на то, чтобы преодолеть какой-то жалкий десяток метров, поэтому произношу прямо перед собой:

– Бегать – это очень громко сказано. Беременная улитка, и та быстрее будет.

Медсестра подлетает ко мне и усаживает в кресло-каталку. Очень вовремя, потому что я чувствую, что сама бы обратно точно не дошла.

– Сейчас я отвезу вас в палату и скажу доктору, что вы очнулись. Он осмотрит ваши швы. Как вы вообще встали?!

– Нет, – неожиданно хватаю девушку за руку, с силой сжав ее запястье. – Где мой ребенок?! Что с ним? Я шла к нему..., – дальше мне не позволяют продолжать слезы и ком в горле, что отнимают способность говорить и дышать.

– С вашим малышом все хорошо, он сейчас в отделении для новорожденных. Крошечный, но для семи месяцев очень даже крепенький. Он справится и ничем не будет отличаться от сверстников. Не переживайте, мамочка!

Жив! Мой сыночек жив! Слезы, только теперь уже от радости, бегут нескончаемым потоком, а я даже не пытаюсь их стереть. Просто нет на это сил.

– Пожалуйста, – шепчу, как в бреду, еще сильнее сжимая руку медсестры. – Отвезите меня к Никите. Я сделаю все, что захотите. Хотите денег? У меня есть деньги. Любое ваше желание, хоть звезду с неба! Только можно мне увидеть сына? Хоть одним глазком?.. Пожалуйста, если вы мне не поможете, то я сама пойду, – пробормотала я, снова пытаюсь встать с каталки.

– Да вы ненормальная! Не нужны мне ваши деньги! Оставьте себе! К ребенку отвезу. Но сразу договоримся: три минуты, не больше. Меня итак могут уволить за то, что потакаю вашим капризам.

– Не уволят, – твердо произношу, прикрыв бессильно глаза. – Не позволю.

Я сразу узнала его. Сердцем почуяла. Эта незримая связь между ребенком и сыном будет всегда. И именно она сейчас вела меня и придавала сил. Я снова предприняла попытку встать, но была решительно остановлена медсестрой.

Бросила на нее благодарный взгляд и снова вернула его к Никитке. Он лежал там такой совсем маленький, беззащитный и одинокий. Я буквально прилипла к окну и поглаживала стекло кончиками пальцев, представляя, что стою рядом и провожу по головке самого любимого мужчины на планете.

– Я люблю тебя, Китенок! С днем рождения! Мама рядом и обязательно будет сильной. Извините, у вас не будет телефона? – обращаюсь к медсестре, которая терпеливо ожидает окончания нашего с Никиткой «свидания». – Хочу, чтобы у сына была фотография на память о его самом первом дне рождения.

Девушка торопливо достает телефон и передает мне, украдкой вытирая слезы.

– Не плачьте, все правда хорошо. Мы справимся, – со слабой улыбкой произношу, не зная успокаиваю тем самым себя или ее. Возвращаю медсестре телефон, предварительно отправив фото на свой номер. В дальнейшем эта нечеткая фотография через заляпанное мною же стекло станет самой любимой и засмотренной до дыр...

В палате я не могла налюбоваться на фотографию сына, меня распирало от желания поделиться этой новостью хоть с кем-нибудь. С родителями не вариант – помня разницу во времени, у них сейчас ночь, дождусь утра и обрадую тем, что они стали дедом и бабушкой. На пару месяцев раньше, чем планировалось, но все-таки.

Неожиданно в голову приходят слова Джека. «Я хотел бы знать». Он прав. Марк – такой же отец, как и я – мать. И он имеет право знать, что сегодня стал папой самого замечательного малыша на свете. Вот только судьба не готовила меня к тому, что мы с Китенком окажемся ему не нужны...

Недолго думая, отправляю единственную фотографию малыша, подписав ее: «Поздравляю тебя, папа. Твой сын очень похож на тебя».

Ответ пришел мгновенно, словно мое сообщение ждали все эти месяцы.

«Мне вы не нужны. Не смей меня беспокоить. У меня своя семья, и я счастлив с женой».

Вот так сухо, словно и не было жарких ночей и признаний. Словно не было одних желаний на двоих. Словно не он звал меня замуж, устроив романтический ужин на берегу озера...Словно «нас» никогда не было.

Я из тех людей, кто умеет ставить черту и точку. Здесь же я поставила жирный крест черным маркером. Потому что то, что я не нужна, я могу пережить, не маленькая девочка. Но когда не нужен собственный ребенок...Это за гранью.

Я буквально рву на себе трясущимися руками цепочку на шее и снимаю кольцо, что подарил мне Марк. Оно висело у меня на груди, как надежда. На то, что когда-нибудь, возможно, мы будем счастливы. Что когда-нибудь я созрею, чтобы забыть и простить измену... Но сейчас я аккуратно кладу его на тумбочке и благополучно забываю там при выписке, оставив вместе с ним все воспоминания о тех нескольких счастливых неделях...

Глава 9

Наши дни

– Вот так вот, мам, – тихо произношу, разглядывая чайники в своей кружке с давно остывшим чаем.

Я не говорила родителям о беременности до самых родов. Чтобы не переживали. Достаточно того, что они знали, что я сбежала за границу из-за мужчины, что оставил шрамы в моей душе. Но только сейчас я понимаю, насколько мне не хватало материнской поддержки, вот таких вот женских секретиков и вовремя подлитого горячего чая в кружку. Мне банально не хватало заботы со стороны. Даже сильным женщинам иногда хочется свернуться в клубок, и чтобы их погладили по волосам, приговаривая, что все будет хорошо. Даже сильным женщинам нужно крепкое плечо, чтобы не упасть...

– Господи, доченька, что же ты пережила...– она, как всегда не может сдержать слез и притягивает меня в свои объятия. Поначалу мне было тяжело без такого проявления любви, а потом я отрастила бронированный панцирь, спряталась в нем, предварительно заткнув все щели, и теперь меня ничем не проймешь.

– Мам, ну, перестань! Вон, героиня «Москва слезам не верит» директором стала, дочь воспитала! Одна! А мне не пришлось особо перетруждаться даже!

На самом деле, это детская сказка, чтобы маму успокоить. Было непросто. Хотелось все бросить и вернуться в Россию, чтобы была хоть какая-то помощь. Я не ушла в декрет, несмотря на то, что Джек настаивал. Я просто не могла себе позволить сесть ему на шею вместе с Китенком. Поэтому работать начала через неделю после выписки. Да, удаленно, да когда Кит спал, но все же я работала почти наравне со всеми, кто сидел в офисе. Чтобы не сойти с ума и не натворить глупостей. А еще чтобы хоть что-то значить, чего-то добиться. Для собственного успокоения.

Были и слезы, и срывы, и хроническая усталость. Но все отходило на второй план, стоило посмотреть в любимые темные глаза. Я не соврала, когда написала Марку, что сын – его копия. Это видно даже невооруженным взглядом. Жаль только, что Никита оказался не нужнее пятого колеса в машине...

– Катюша, Катюша...Но ничего, теперь ты дома, мы с отцом тебя в обиду не дадим! Хорошо, что ты вернулась.

На самом деле я намеревалась нанять маме супер профессионального психолога и перевезти родителей к себе в Штаты и больше никогда не пересекать выстроенную мною границу. Но все сложилось совсем не так, как я предполагала.

Я бы наверно ни за что не вернулась в родной город, если бы не Джек. Однажды за обедом он сидел очень задумчивый и не реагировал на мои наводящие вопросы.

– Эй, а ну-ка обрати внимание на меня! – возмутилась, щелкая пальцами перед глазами.

– Извини, задумался.

– Ты вот так думаешь уже который день. Говори, что случилось. Может, и я смогу помочь?

Он смотрит на меня, словно изучает. А потом неожиданно его губы растягиваются в довольной улыбке, а в глазах зарождается надежда.

– Кейти, ты же юрист!

– Алилуя, дорогой! Спустия столько лет ты это запомнил!

– Ценю твое чувство юмора. Но я сейчас не об этом. Мой партнер и друг в России попросил о помощи. Ему нужен квалифицированный юрист, который сможет провести сделку. Они с партнером объединяют фирмы, и надо проследить, чтобы не получилось так, что он окажется в невыгодном положении. Он никому не доверяет, сама знаешь, всех можно купить ради собственной выгоды, так что обратился за помощью ко мне...

– И ты думаешь, что я – тот самый юрист, что поможет твоему другу не потерять все нажитое непосильным трудом? – выгибаю вопросительно бровь.

– Выходит, что так. Пожалуйста, Кейти, мне больше некого попросить...

– Конечно, я съезжу, о чем речь! – я не могла отказать. Только не Джеку. Не мужчине, благодаря которому я имею все, о чем только можно мечтать и который сделал для меня так неоценимо много. И который впервые за столько лет просит о помощи.

– Спасибо...

– Стоп. Не хочу больше слышать ничего о благодарности, – возвращаю ему его же фразу, что он сказал много лет назад. – Мы же друзья. Это меньшее, что я могу для тебя сделать...

И вот я стою перед дверьми офисного здания, где друг Джека занимает целых два этажа. Сама не знаю, почему волнуюсь, но руки мелко подрагивают, как

будто это первая моя сделка. Глубоко вдохнув и резко выдохнув, улыбаюсь сама себе и делаю шаг навстречу автоматическим дверям. Вот только меня забыли предупредить, что мой палач станет гвоздем программы...

Глава 10

Марк

Я не понял, в какой момент моя жизнь разрушилась до основания. Жизнь, которую я так любил и был в ней королем, стала для меня, как хомут на шею. Она все больше напоминала детский кошмар: когда вот твоя игрушка, которой ты бредил во сне и наяву, здесь, рядом, на расстоянии вытянутой руки, но стоит тебе за ней потянуться, как она становится все дальше и дальше, а потом и вовсе исчезает, и ты просыпаешься злой и разочарованный.

Вот и со мной случилось то же, что и в детском сне: я никогда не был так счастлив, как в тот особенный день, когда сделал предложение Кате. Как в ту неделю перед свадьбой. И вот, казалось бы, остался последний шаг, чтобы сделать эту идеальную и любимую женщину своей, как грянул гром среди ясного неба: Аня, с которой я по огромной глупости переспал, оказалась беременна...от меня. Это неудивительно с ее любовью к сексу, удивительно, что именно от меня, учитывая, что я был в тот день в дым, и напроочь не помню, чтобы у нас что-то было.

Но самое страшное – разочарование в глазах Кати. Когда она пришла ко мне поговорить об этой ситуации, я видел в ее глазах надежду. Что вот я сейчас вскочу, крикну на весь зал, что она несет чушь, и у нас с Аней ничего не было. Но когда я не стал отпираться, я видел впервые, как уходит надежда. Видел разочарование и боль. Лучше бы она орала, швыряла в меня предметы, чем видеть, как любимая женщина умирает изнутри у тебя на глазах. И этот образ Кати с глазами, полными боли и разочарования в том, кому доверилась, мерещится вот уже четыре года, куда бы я ни пошел, что бы я ни делал.

И я правда решил последовать ее совету и быть мужчиной: провести анализ ДНК и, если ребенок окажется и вправду моим, в чем я очень сомневался, то договориться с Аней любовно о совместной опеке. Жениться на ней я точно не собирался, потому что в таком случае на моей жизни можно было бы поставить жирный крест.

Но случилось то, чего я меньше всего ожидал: ребенок мой. На девяносто девять целых девять десятых процента. Когда Анечка с гордым видом вручила мне заключение и, вздернув подбородок, уточнила: «Когда день свадьбы?», сказать что я офигел, ничего не сказать. Я просто стоял, как призрак, и наблюдал со стороны, как моя жизнь катится под откос.

Катя просила позвонить ей, когда будет результат теста на ДНК. Но что я мог ей сказать? Извини, мало того, что я тебе изменил, так еще и налажал и теперь стану отцом ребенка, рождения которого не жду?! Вот правда, положив руку на сердце, во мне не дрогнул ни единый мускул, когда Аня сказала, что я точно, а вернее, с уверенностью на девяносто девять целых девять десятых процента, стану отцом. Я заранее ненавидел его мать, но еще больше я ненавидел себя. Но при этом, хоть убейте, не помнил момента, как так вышло! Я готов был пойти даже на гипноз, чтобы детально восстановить события того злополучного вечера, но мне позвонила мать.

– Марк, пожалуйста, приезжай! – рыдала она в трубку. А ведь у меня были другие планы: я собрался с духом, и даже, кажется, подобрал слова, чтобы поговорить с Катей и убедить ее, что несмотря ни на что нам надо быть вместе. Несмотря на чужого ребенка. Если она меня простит, то я сделаю так, что этот малыш никоим образом не помешает нашей жизни. Но в мои планы вторглись родители. Вернее, отец. – У отца подозрение на инсульт. Его увезли только что в клинику.

Конечно же, какими бы сложными не были у меня отношения с родителями, я сорвался в больницу. У отца подтвердили обширный инсульт.

– К сожалению, прогнозы неутешительны: задета большая часть мозга, и есть вероятность, что ваш отец не сможет вернуться к привычной жизни, – вынес приговор врач.

И вот так в одночасье на мои плечи легла ответственность за родителей и за фирму отца. И, как бы я не хотел ее возглавлять, мне пришлось. Потому что одно правило за всю жизнь от отца я все же уяснил: хочешь сделать хорошо – сделай сам.

Тот период жизни всегда вспоминаю с содроганием: я мотался между фирмой, деловыми обедами и клиником, а ночами вникал в те сферы жизни и бизнеса, которые, я надеялся, мне удалось бы избежать. Времени не хватало на еду и сон, не то, что на посторонние мысли.

В университете пришлось взять академический отпуск, да и я не собирался и не горел желанием туда возвращаться. Больше не имело смысла без Кати.

Катя...когда все более – менее в моей непростой жизни пришло в норму, и я, как мне хотелось думать, составил идеальный план, чтобы убедить ее в том, что расставаться нам нельзя, набрал одним поздним вечером ее номер. Просто чтобы услышать ее голос. Да пусть даже молчит! Главное знать, что на том конце провода – ОНА.

Но сухой безэмоциональный голос повторял мне из раза в раз, что абонент недоступен. Даже когда я набрал ее в тридцатый раз. Даже когда разбил телефон об стену. И продолжил названивать с телефона в своем кабинете, ситуация не изменилась. Кати не было.

И только в этот момент я окончательно осознал: я потерял ее. Катя приняла решение и сделает все, чтобы мы больше не встретились. И я даже понимаю ее: сомневаюсь, что сам смог бы простить измену. Но...я же просил ее дать шанс, поговорить. А она лишь молча ушла, оставив меня со всем дерьмом наедине...

И, когда я думал, что хуже быть уже не может, в наш дом одним «прекрасным» утром заявила Аня с родителями.

Я стою у окна, скрестив руки на груди, и лениво наблюдаю за театром абсурда: родители Ани орут, на чем свет стоит. «Совратил девочку», «ребенка заделал и в кусты», «кобель», «заставлял сделать аборт бедняжку» – эти фразы повторялись за последние сорок минут с завидной регулярностью. Мама сидела бледная, как мел, с неестественно выпрямленной спиной и смотрела на меня с укором. Да, ма, прости, вот такой я вырос у тебя гандон. Не отрицаю.

Аня сидела рядом со своей матерью, «стыдливо» опустив глазки в пол и сложив руки на коленях. Прямо примерная школьница. Красота! Не выдержав этого зрелища, отрываюсь от подоконника и молча иду на выход.

– Стоять, паршивец! Я еще не закончил! – орет папаша, багровея на глазах.

– Как закончите, выход там же, где и вход. Всего доброго. У меня, знаете ли, время не резиновое.

Но как бы я не хорохорился, жениться мне все же пришлось. Тесть мой тоже не последний человек, все-таки прокурор, и когда мне грозило обвинение в «изнасиловании», а в офис зачастило ОБЭП, пришлось сдаться. Не потому, что я боялся тюрьмы, нет, тут как раз мне было параллельно. Вместе с Катей куда-то испарился интерес к жизни. Я перестал участвовать в гонках, хотя скорость и адреналин всегда были лучшими антидепрессантами даже в самые тяжелые времена. А тут вытаскивать себя из этого болота не было желания, наоборот, хотелось утопиться в нем.

Я не мог потерять фирму: у отца только наметилась положительная динамика, к нему возвращалась речь, и он даже мог держать какие-то предметы в руках. И я не мог прийти в один прекрасный день и сказать, что фирму растащили на кусочки шакалы, потому что я отказался жениться на дочке прокурора. Отец все же. Хоть кому-то в этой жизни хотелось принести пользу. И раз прокурорская дочка требует меня в свое личное пользование, пусть. Она просто еще не знает, что игрушка сломана.

Свою свадьбу я не помню. Напиваться я начал еще накануне, так что к моменту, когда надо было произнести похоронное «Да!», я едва стоял на ногах. Но вот Аньку я все же запомнил: отекая – на восьмом месяце беременности – но все же влезла в пышное белое платье, напоминая при этом бабу с самовара. Главное, что выглядела довольной и улыбалась гостям за нас двоих. Потому что

я самым бессовестным образом свалил с середины праздника, так что не было у нас первой брачной ночи. И вообще никакой. Потому что на следующий день моя новоиспеченная женушка родила.

И эту радостную новость мне сообщил тесть, от всей души барабанив в дверь моей городской квартиры.

– Прохлаждаешься, паршивец! А моя дочь всю ночь мучилась в схватках! А ты дрых, в то время как должен был быть рядом! – орал он, насилуя мой еще не протрезвевший мозг.

– Я ее не просил рожать этого ребенка. И запомните, папаша: я должен только налоговой. И не нарушать статью сто пятую Уголовного кодекса. Но вы сейчас очень нарываетесь.

В следующий момент я отлетел к стене, перед глазами все поплыло, а во рту почувствовался металлический привкус крови. Рука у тестя тяжелая, и не скажешь, что бумажки только подписывает в своей прокуратуре!

– Ничего, парень, мы и не таких обламывали. Собирайся, жену с рождением дочери поздравить. Подарок купи. И без букета не вздумай заявляться.

Неспешно приняв душ, попутно заказав какой-то букет и ювелирную хрень, я наконец-то привел себя в порядок, и под конвоем тестя был доставлен в роддом.

Наверно, все же не зря со мной происходит весь этот ад. Наверно, я заслужил. Потому что, когда протянули мне небольшой сверток с новорожденной, в моей груди ничего не дрогнуло. Не кольнуло. Не было желания одарить девчонку нежностью и заботой. Не возникло родственных чувств. Поэтому я равнодушно посмотрел на сопящую малышку и поспешил передать теще, которая тут же начала ворковать над девчонкой, которой мы так и не придумали имя. Вернее, Аня предлагала массу вариантов, а мне было фиолетово, но раз я не участвовал в процессе, то ребенок так и остался безымянным.

Несмотря на то, что дочь родилась раньше на целый месяц, она была очень тяжелой и рослой. Со стороны не скажешь, что недоношенная.

– Как самочувствие? – интересуюсь скорее из вежливости, потому что так вроде нужно, но никак не из-за заботы.

– Ты не представляешь, через что мне пришлось пройти! И тебя не было рядом...Мне было так страшно и так больно...

А мне хочется рявкнуть: «Очень хорошо, надеюсь, это отобьет у тебя желание трахаться и навязывать своих детей мужикам». Но я молчу. Смысл дергаться? Потому что филиал ада в моей жизни не свернется и не уйдет обратно в преисподнюю.

– Ладно, ты давай тут...Приходи в себя и все такое. Мне пора. И с рождением дочери тебя, – сухо роняю и двигаюсь на выход из палаты.

– Ты куда? – в ее голосе явственно слышатся злость, обида и разочарование. А что ты думала, дорогая? Родишь, и я тебе за этот подвиг паду ниц и прикинусь ковриком? Хрена с два!

– Как куда? На работу. Я же теперь глава семьи, и мне надо вас кормить. А ты наслаждайся, женушка, материнством. И придумай, наконец, дочери имя, – полуобернувшись, сообщаю с ехидной ухмылкой и сваливаю в закат, довольный собой.

Мудак? Знаю. Но я ни разу не давал повода думать, что я – пушистый лапушка. Возможно, у меня еще не выработался отцовский инстинкт и все такое, но умиления при виде дочери я не чувствую. Ответственность – да, и я сделаю все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Но любовь к своему ребенку...к сожалению, но нет. Потому что я искренне считаю, что дети должны рождаться в любви, или хотя бы в уважении к их матери. Ни того, ни другого я к Ане не чувствую. Ребенка можно навязать, а вот уважение нет. Его надо еще заслужить. И уж явно не тем, чтобы рожать ребенка, которого я не просил.

После выписки мать настояла, чтобы мы жили у них. Мол, она будет поближе к внучке, Ане нужна будет помощь для восстановления после родов, да и отцу нужны положительные эмоции. Я сопротивлялся, как мог, утверждая, что мама Ани поможет ей лучше, что у меня много работы и вообще не хочу так жить.

– Может, тогда вам лучше переехать в загородный домик, что у озера. Ребенку там будет хорошо: тишина, свежий воздух и уединение, что поможет вам с Аней сблизиться и привыкнуть к мысли о том, что вы теперь родители...

– Нет! – рявкнул излишне поспешно и резко. – Мне неудобно будет ездить в офис, слишком далеко, – добавил уже спокойнее. В итоге мы поселились в квартире Аниных родителей. Ей ближе к маме, а мне насрать.

Мне претила сама мысль, что другая женщина после Кати войдет в тот загородный домик. Я хотел сохранить в нем все так, что она все еще там, как будто вышла к озеру и вот-вот вернется.

Когда меня накрывало особенно сильно, я отключал телефон и срывался в этот домик. Проводил рукой по шкуре, на которой мы занимались любовью. Именно любовью, а не сексом. Просто я, идиот, этого еще не понимал...

Ложился на подушку, на которой она спала, и укрывался пледом, в который Катя куталась вечером. Я понимаю, что все это – фантомные чувства, но мне казалось, что любимая рядом, за моей спиной, прижимается ко мне и обнимает, уткнувшись носом в спину. Именно поэтому я не мог допустить, чтобы в мой оазис воспоминаний вторглась Аня и прошлась по ним бульдозером.

Как я и предполагал, надолго Аню не хватило, и семейная жизнь ей быстро наскучила: когда Лизе было два месяца, она оставила дочь на мать и свалила в клуб с подружками.

Я вернулся домой после сложного совещания и надеялся отдохнуть в тишине, но при виде того, что теща нервно трясет плачущего ребенка, что-то внутри меня дрогнуло. Мне почему-то стало жаль девчонку, которая не была нужна никому в этом жестоком мире. Все же я не зверь.

Тяжело вздохнув, переодеваюсь и забираю малышку из рук тещи и выпроваживаю ту домой. Было страшно, да. Но, кажется, я справился.

– Ну, что, Лизка. Эгоистка у тебя мама, да? Бросила нас с тобой и усвистала. Так, конечно, нельзя говорить, но...лучше бы не возвращалась.

Но Аня вернулась. В семь утра. Пьяная до безобразия, с растрепанными волосами, порванными чулками и размазанной помадой. И вместо того, чтобы просто идти спать, вывалила на меня, не спавшего практически всю ночь, ушат дерьма.

– Ты мне всю жизнь сломаааал! – тянет она противным и пьяным голосом. – Не обращаешь на меня внимания! Забросил! Пропадаешь хрен пойми где! Не помогаешь мне с ребенком!

– Ага, ага, – киваю я, не слушая ее вопли и надевая костюм. Но когда она уже повышает тон и почти переходит на крик, осадил женушку: – Уймись. Лизу разбудишь. Она недавно уснула, всю ночь болел животик.

К назначенному времени пришла няня, контактами которой накануне милостиво поделился мой друг Руслан – в прошлом убежденный чайлдфри, ныне образцовый отец. Теперь я мог спокойно оставить ребенка, зная, что она в надежных руках.

Но выходки Ани на этом не закончились. И если она перестала напиваться, то постоянно обвиняла меня в изменах, не понимая, что на них у меня банально не остается времени: я постоянно торчу то на переговорах, то изучаю документацию, то мотаюсь по командировкам. В конце концов, я сорвался и трахнул свою секретаршу, которая давно и непрозрачно мне намекала, что не против, если в ее должностной инструкции будет прописана такая дополнительная обязанность, как «снятие напряжение у босса». Я не железный и не святой, и мне надо куда-то сбрасывать напряжение.

И через год такой жизни с Аней я не выдержал. Просто сбежал в свою городскую квартиру. И я бы ни за что не переступил порог дома моей жены, если бы не Лиза. Я к ней вроде как привязался и испытывал умиление и симпатию к девочке, которая постоянно мне улыбалась и тянула ручки. Я приезжал к дочери, стараясь проводить любую свободную минуту с ней, не обращая внимания на вопли Ани. Запретить видаться с девочкой мне никто не вправе, так же, как и заставить жить с истеричкой и стервой.

Самое смешное – все четыре года Аня обвиняла меня в изменах, жестоком и безразличном отношении к ней, в том, что не уделяю внимания, но развода не просила. А я и не задумывался об этом, потому что знал: в таком случае она начнет шантажировать дочерью. Я успел привязаться к девочке и полюбить, хоть чувства и проснулись во мне поздно. Вот так и живем: каждый своей жизнью, но связанные тонкими неразрывными нитями. Боюсь, что навсегда.

– Марк Валерьевич, представители «СтройТреста» ожидают, – прервал мои мысли голос секретарши из селектора.

– Пусть заходят, – коротко ответил, не поворачиваясь. А через несколько секунд судьба преподнесла мне сюрприз, о котором я не мог и мечтать...

Глава 13

Катя

Не понимаю, почему, но неожиданно на меня накатило волнение, вплоть до подрагивающих рук и потеющих ладошек. Как будто в первый раз устраиваюсь на работу. Нет, не спорю, новая должность, тем более, когда на меня возлагает надежды не только генеральный директор «СтройТреста», но и сам Джек, очень ответственна. Но я с уверенностью могу сказать, что мое состояние не связано с работой.

– Добрый день, вы по какому вопросу? – тут же встает на ноги с широкой приветливой улыбкой секретарша модельной внешности. Хорошо вышколена, ничего не скажешь.

– Я представитель «СтройТреста» по заключению...– и сама себя обрываю на полуслове, уставившись на золотую табличку на двери.

Нет. Нет. Миллион раз нет! Этого не может быть! Не могла судьба сыграть со мной настолько злую шутку!!

По спине пополз липкий страх, сковывая меня, лишая возможности дышать. Мне страшно, как никогда. И у меня есть причины бояться человека, которого я любила больше всех на свете. И до сих пор люблю, черт возьми!

М.В. Воскресенский. Генеральный директор компании. А, может, это совпадение?..

Ну его к черту! Джек меня поймет! Я медленно пячусь спиной, чтобы позорно сбежать отсюда, пока о моем присутствии не узнал человек, которого я должна обходить десятой дорогой.

– Марк Валерьевич, представитель «СтройТреста» ожидает, – секретарша успела доложить о моем визите.

– Пусть заходит, – раздался по приемной низкий хриплый голос, от которого я вздрогнула, и знакомые ощущения пробежались по всему телу, концентрируясь внизу живота. Нееееет...Нет!! Я же не могу все еще на него так реагировать... А вот мое предательское тело говорит, что очень даже могу. Даже сильнее, чем раньше.

Сомнений не осталось: генеральный директор – Марк. Моя первая и единственная любовь. Человек, что растоптал меня и уничтожил.

– Девушка, вы куда? Проходите, пожалуйста, Марк Валерьевич вас ожидает. И я рекомендую вам не задерживаться, – добавляет доверчиво, понизив голос. – В последние дни босс очень не в духе.

Даже так? Странно. Неужели Аня не дает?.. Хотя, какое мое дело? Вот уже четыре года мы чужие друг другу люди. Глубоко вздыхаю и дрожащей рукой нажимаю на ручку двери.

Вхожу в кабинет и тихо прикрываю за собой дверь. Сердце бешено стучит в груди, а ладони потеют. Я одновременно хочу этой встречи и в то же время мечтаю снова сбежать за океан.

Четыре года. Тысяча четыреста шестьдесят дней. Мы не виделись ровно столько. А я узнаю его даже со спины. Эта широкая линия плеч, уверенная и гордая

осанка, темный костюм, что подчеркивает его спортивную фигуру. Строгая короткая стрижка. Все настолько родное, что хочется прижаться к нему всем телом, обнять двумя руками крепко-крепко и прошептать: «Здравствуй, я скучала...»

Меня бросает то в жар, то в холод от одного только присутствия этого мужчины. Неужели, несмотря на то, что он сделал, по прошествии стольких лет у меня остались к нему чувства? Кому я вру. Конечно, остались. Иначе б я так остро не реагировала на его присутствие.

На меня нахлынули воспоминания о нашей страстной и сумасшедшей любви. Только вот любила я одна. А он лишь игрался со мной. Иначе как объяснить то, что в момент нашей, казалось бы, не столь значительной ссоры, вместо того, чтобы дать мне возможность все объяснить, пошел залечивать свои душевные раны в постели другой девушки?

Мужчина резко разворачивается, и я тону в темных омутах. Сначала не понимаю, что происходит. Раньше, четыре года назад, я также реагировала на его взгляды. Но тогда я не боялась захлебнуться. Потому что видела в них любовь. И мне нравилось это ощущение беспомощности. Потому что я знала, что ОН ни за что не даст мне упасть в бездну.

Сейчас некогда любимые глаза смотрели с холодным презрением, высокомерием и отчужденностью. Словно я – совершенно посторонний человек для него. Хотя, так оно и есть. Ведь прошлое должно оставаться в прошлом. У него своя семья: жена и маленькая дочь.

Но я снова в отчаянии с головой ныряю в эти темные озера и тону, начиная задыхаться. Кричу, молю о помощи, но все внутри себя. Внешне же я стараюсь оставаться спокойной. С силой сжимаю кулаки, вонзая ногти в ладони, но и это не приводит меня в чувство.

Задыхаюсь. Пристально смотрю в лицо любимого мужчины, пытаюсь отыскать в глазах хотя бы отблеск былых чувств и эмоций. Даже делаю шаг навстречу, вдруг с расстояния в несколько жалких метров я не заметила. Но нет. Он безжалостно топит меня в своих темных озерах, окуная с головой в свое равнодушие.

Воскресенский беспристрастно смотрит на то, как я погибаю, и не протянет руки. Не спасет. Не в этой жизни.

– Марк, – шепчу я едва слышно, пристально осматривая каждую черточку на лице, что снилось мне каждую ночь.

Воскресенский слегка вздергивает подбородок, засовывая руки в карманы брюк, и оглядывает меня сверху вниз.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна, – с кривой ухмылкой бросает он небрежно, что я отшатываюсь назад. – Кажется, вы всегда настаивали, чтобы я обращался к вам именно так.

Эти слова прозвучали, как пощечина. Резко и без анестезии тупым ножом вскрыли старые раны. Отшатываюсь назад, желая как можно скорее покинуть кабинет, но меня останавливает холодное:

– Стоять.

А на меня неожиданно накатывает ярость. Кто он такой и что о себе возомнил, если считает, что может со мной так разговаривать?!

– Марк Валерьевич, не думаю, что вы вправе со мной общаться в подобном тоне. Я, пожалуй, подожду своего клиента за дверью...

– Боишься остаться со мной наедине?

А парень совсем не изменился. Я думала, что относилась к нему предвзято, но на самом деле я ошибалась, думая, что он чем-то выделяется из толпы представителей «золотой молодежи».

Хотя, вру, он все же неуловимо, но изменился. Стал старше, темный взгляд стал острым, даже злым. А вот глаза потухшие, грустные и полные ...одиночества. Хотя, возможно, это игра моего буйного воображения.

Марк смотрит на меня исподлобья, зло и даже обвиняюще, как будто это я изменила ему! Взгляд невольно падает на его правую руку, где я вижу широкий

ободок кольца, и от злости сжимаю кулаки. Как я четыре года назад не разглядела в нем кобеля?!

– Не думаю, что вы имеете право задавать мне подобные вопросы, – произношу ровно и безразлично, насколько это возможно. Словно это самый обычный разговор о погоде, а не встреча бывших через четыре года разлуки.

После этих слов Марк плавно надвигается на меня, как опасный хищный зверь к своей добыче. Это завораживает. Будоражит. Возбуждает. Черт! Отчаянно гоню из головы непрошенные мысли прочь, но это невозможно, когда напротив ОН – опасный, сексуальный, порочный, как грех. И чужой. О чем мне еще раз напоминает обручальное кольцо.

Невольно в страхе пчусь назад, упираясь спиной в стену. Мне действительно страшно, потому что мне есть, что хранить за семью замками. И Воскресенский ни за что не должен об этом узнать!

Глава 14

Марк

Что. Я. Творю? Какого черта?!

Я совершенно не хотел вести себя, как мудака, но стоило увидеть ее, как мой мозг переключилось.

Катя неуловимо, но изменилась. Нет, внешне она та же притягательная и желанная женщина, но глаза выдают ее с головой. Во-первых, теперь она полностью закрыта для меня, хотя четыре года назад я читал ее как раскрытую книгу. Сейчас же на лице ни единой эмоции. Она контролирует себя от и до, но только не глаза. В них коктейль из эмоций, рвущихся наружу: радость от встречи, страх, боль и злость. Я понимаю состояние Кати и принимаю отношение к себе. Но я сделаю все, чтобы получить шанс исправить то, что натворил.

Смотрю на МОЮ любимую женщину, и мир перестает существовать. Стираются границы реальности, нет кабинета, нет секретарши за стеной, что наверняка, как всегда, когда ко мне приходят женщины, подслушивает под дверь. Плевать. Сейчас главное, что женщина, которая поселилась в моих мыслях и снах на эти четыре года, стоит рядом. В моем кабинете.

Но недолгая эйфория сходит на нет, а очарование момента разбивается вдребезги, царапая стеклянными осколками, вспарывая меня на живую изнутри, стоило мне увидеть кольцо на ее правой руке. Кольцо с бриллиантом. Такие обычно мужчины дарят, когда делают предложение. Я знаю, о чем говорю, я сам такое дарил МОЕЙ Кате. А теперь у нее на руке кольцо другого мужчины.

И осознание того, что к ней прикасался другой, дарил ей удовольствие, слышал стоны и смотрел на нее в минуты оргазма, выпускает на волю моего внутреннего зверя, у которого одно желание – убивать. Голыми руками оторвать руки, что трогали мою женщину, и выколоть глаза, за то, что смотрели на Катю.

Эгоист? До мозга костей. Мое должно оставаться моим! А я с первой минуты, как увидел эту хрупкую девушку решил, что во что бы то ни стало Катя будет принадлежать мне. И я своего решения не изменю.

Да, я женат. Если то, что зафиксировано на бумаге можно назвать браком. В конце концов, пора это исправлять. Пора просто выйти из спячки, оглянуться и начать жить. Потому что то, что было в течение четырех лет, нельзя назвать жизнью. Это выживание. И единственная радость в нем – Лиза.

Одновременно движимый злостью и желанием удостовериться, что Катя реальна, надвигаюсь на нее, следя за реакцией. Она медленно отступает к стене, а глазах через край плещется страх. Но почему?! Я ведь ничего не сделал, чтобы она меня боялась! Это я кругом виноват в том, что мы потеряли четыре года! И я должен бояться, что она уйдет, хлопнув дверью. Но моя Катя все еще здесь, и я делаю вывод, что она все еще что-то чувствует ко мне, несмотря на то, что принадлежит другому. Это временно.

Подхожу вплотную к своей женщине, настолько, что чувствую жар ее тела даже через несколько слоев одежды. Катя тяжело дышит и отводит взгляд в сторону. Мягко беру ее за подбородок и заставляю поднять лицо, чтобы смотрела мне в глаза.

– Ты же тоже чувствуешь, Катя? – хрипло шепчу, тяжело дыша. Черт! У меня было достаточно женщин, но ни одной из них не удавалось вывести меня на такие эмоции и возбуждать только одним видом.

Веду носом по щеке, спускаясь к шее, к бешено колотящейся артерии. Еще одно свидетельство того, что моя женщина равнодушна к тому, что происходит.

Втягиваю носом до боли знакомый аромат, тот, которым, кажется до сих пор пахнут плед и подушка в загородном домике, и мне окончательно сносит крышу.

Плевать на кольцо, плевать на другого мужика. Эта женщина – моя, создана специально для меня! Я ее украду, отвоюю, выгрызу зубами у соперника, но верну туда, где она только и может быть: рядом со мной!

Зарываюсь пальцами в волосы на затылке и слегка тяну вниз, заставляя запрокинуть голову и буквально рычу ей в губы, слегка массируя затылок:

– Что. Ты. Чувствуешь? Отвечай!

В глазах ее – бездна страха, море невыплаканных слез и сожаление. Не могу смотреть на это, зная, что виной такому ее состоянию – я и мой косяк, последствия которого я буду еще долго пожинать.

Медленно веду костяшками пальцев по ее щеке, лаская бархатистую кожу. У меня одно желание – схватить и разложить прямо здесь, на столе, как тогда, зимой, чуть больше четырех лет назад. Но нельзя. Не так. Катя достойна большего. Лучшего. Поэтому надо запихнуть свои желания поглубже и потерпеть.

И черт меня дери, если я слышу не тихий стон удовольствия! На секунду теряю контроль, и, как сумасшедший, жадно накидываюсь на Катю с поцелуем, сразу же сплетая наши языки. Прикусываю слегка нижнюю губу, тут же проведя по месту укуса языком. И уже я не могу сдержать стоны: та, о которой грезил ночами, которую искал и без которой подыхал изо дня в день, здесь, со мной, обвивает мою шею, притягивая ближе и царапая ее ноготками. И эта боль не отрезвляет, наоборот, возбуждает, и я спешу показать, насколько.

Подхватываю Катю за ножку и закидываю себе на бедро, упираясь возбужденным пахом прямо ей между ног. Стонем одновременно, и понимаю, что наше безумное желание обоюдно! Значит, есть шанс!

– Катя...родная...любимая... – шепчу, как в бреду, покрывая поцелуями свою женщину там, куда могу дотянуться.

– Маааарк, – протяжно стонет, когда я всего лишь касаюсь чувствительного места за ушком.

Одно дыхание на двоих. Общее возбуждение. Сумасшествие. И я буду дураком, если захочу излечиться.

Не выдерживаю, хочу удостовериться, так ли она реагирует на мои прикосновения, как четыре года назад, так же ли Кате сносит крышу, как и мне. Веду рукой по внутренней стороне бедра и прямо через мокрые насквозь трусики надавливаю на клитор, слегка массируя его.

– Марк! Да! – не сдерживается Катя, запрокидывая голову, ударяясь затылком об стену, и с силой цепляясь в мои плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/keller_nikol/horoshiy-plohoy-boss

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)